

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ В ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЯХ 1912 г.

Сегодня мы отмечаем 199-ю годовщину Шевардинского боя Бородинскими чтениями. Один зарубежный писатель назвал этот бой «боевой увертюрой». Мы бы сказали, «боевой увертюрой» героической драмы «Битва гигантов», продолжавшейся в течение трех дней. На столетний юбилей Отечественной войны, составной частью которой являлась Бородинская битва, откликнулись издательства Москвы, Петербурга, Киева, Одессы и других городов. Они словно соревновались, привлекая широкий круг авторов.

Первенствующую роль сыграло Товарищество И. Д. Сытина. Активно выступали товарищества: Р. Голике и А. Вильборг, И.Н. Кушнерев и К°, скоропечатни А.А. Левенсон. Состязались издательства А.Ф. Девриена, И.С. Симонова и Ил.В. Казначеева, К.Н. Тихомирова, И. Глазунова, А.Д. Ступина, Я. Башмакова и К°, П. Плахова, типографии К.Л. Меньшова, В.С. Борозина, В.М. Саблина, Штаба Московского военного округа, Русская печатня.

Авторами популярных изданий являлись генерал Евгений Васильевич Богданович, капитан А.П. Греков, приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета В.А. Григорьев, один из авторов сытинского семитомника И. Катаев, действительный член Императорского Русского военно-исторического общества П.М. Андрианов, архимандрит Дамиан, автор исторической повести «В боях 12-го года (Из записок современника)» Вл.П. Лебедев и др.

Редакция журнала «Общество ревнителей военных знаний» напечатала в Экономической типолитографии в Петербурге очерк военного историка Александра Владимировича Геруа «Бородино (По новым данным)». В этом же городе в типографии «Родник» появилось издание А.В. Березовского - книга генерала Аркадия Платоновича Скугаревского «Бородино. Описание сражения 26 августа 1812 года».

Мы коснемся лишь некоторых вопросов, вызывающих спор, неоднозначное освещение моментов Бородинской битвы: оценка позиции русских войск, длительность сражения, его итоги и др.

Трехдневная продолжительность битвы осознавалась постепенно. В стихотворном сказе М.Ю. Лермонтова «Бородино» это прозвучало явственно:

Два дня мы были в перестрелке.

Что толку в этакой безделке?

Мы ждали третий день.

В один из двух дней (24 августа) произошел Шевардинский бой. «Архивист божьей милостью» Н.П. Поликарпов назвал его в 1911 г. «первым актом Бородинского сражения»¹, который прогремел не на передовом опорном пункте (редуте), а на крайнем участке левого фланга русской позиции. Участник битвы Ф.Н. Глинка сообщал о некоторых событиях второго дня сражения, в частности в «Письмах русского офицера»: «25. Сумерки. Я забыл сказать, что почти целый день шайки их стрелялись с нашими егерями: наши не давали им пить из Колочи. Прощай - темно!»². В «Очерках Бородинского сражения» он пишет: «Целый день [25-го] слегка перестреливались за воду и водопои»³. Память о трехдневной битве зафиксирована на французском памятнике, установленном на Бородинском поле. На одной из гранитных глыб, составляющих усеченную пирамиду, увенчанную одноглавым бронзовым орлом, выбит французский текст. В переводе на русский язык он читается так: «Павшим Великой армии 5-7 сентября 1812 года». Четко обозначил трехдневную «Битву гигантов» историк Геруа в Военной энциклопедии, через год повторив эту основную мысль в юбилейном очерке «Бородино (По новым данным)».

Одним из источников сочинения А.В. Геруа был роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир», изданный И.Д. Сытиным в 1912 г. «Толстой в "Войне и мире" - пишет автор очерка, - хотя и без документов, быть может, просто путем интимных бесед с живыми участниками боя первый указал на историческую подтасовку фактов, вполне ныне подтверждающуюся документами»⁴. Толстой доказывал, что русская «позиция была избрана по реке Колоче, пересекающей большую дорогу не под прямым, а под острым углом, так что левый фланг был в Шевардине, правый около селения Нового и центр в Бородине, при слиянии Колочи и Войны». «Для оправдания ошибок главнокомандующего, имеющего быть непогрешимым, было выдуманно, - пишет Толстой, - будто редут служил передовым постом, а не укрепленным пунктом левого фланга, будто Бородинское сражение было принято нами на укрепленной и наперед избранной позиции. Тогда как оно произошло на совершенно неожиданном и почти неукрепленном месте»⁵. Геруа нашел и назвал того, кто оправдывал ошибки главнокомандующего. Это исполнявший должность генерал-квартирмейстера в Бородинской битве, а позднее начальник Главного штаба генерал-лейтенант К.Ф. Толь.

По его распоряжению в 1814 г. была начертана карта с изображением боевых порядков противников. На ней были сглажены все шероховатости русского расположения. Построение войск 1-й армии показано так, будто она обращена к противнику не флангом, как было в действительности, а фронтом. Протяжение русской позиции от правого фланга у р. Москвы до Шевардина было семь с половиной верст, а по искаженной карте Толя - шесть с половиной. Эти искажения шли от Толя. Он «главный виновник ошибок в развертывании русских войск»⁶, - подытоживает А.В. Геруа. Таким образом, историк «был склонен отделять»⁷ главнокомандующего Кутузова от исполняющего должность генерал-квартирмейстера Толя. Вероятно, это обстоятельство нашло отражение в экспозиции «Герои романа "Война и мир" на Бородинском поле». Художник поместил между фигурами Наполеона и Кутузова фигуру генерала К.Ф. Толя. Версия А. В. Геруа в одной из экспозиций в Бородине стала художественным фактом. Подводя итоги битвы, историк считал однозначно, что победили в стратегическом плане русские, потому что Наполеон не достиг цели, не разгромил русскую армию. Автор юбилейного очерка пишет: «Пушки под Бородиным прогремели отходную французской армии. Отходная не смерть, но предвестник неизбежно близкой смерти»⁸. В этой итоговой оценке сражения слышится толстовский образ смертельно раненного на Бородинском поле зверя, который, зализывая раны, успел доползти до Москвы.

Некоторые историки не всегда ощущают ценность художественного образа. В юбилейный год Товарищество В.О. Вольф выпустило брошюру «Годы великой войны в медальонах графа Ф.М. (ошибочно, вместо М. нужно П. - В.Ф.) Толстого» с объяснением Н. Корсакова и 13 снимками. На медальоне «Бородинское сражение» русский воин представлен в славянском шишаке и кольчуге, с копьем в одной руке и щитом в другой. Воин отражает нападение двух неприятелей. У ног русского поверженный им третий неприятельский воин. Автор комментария назвал медальоны Ф.П. Толстого «художественными перлами». В то время как А.П. Скугаревский, представитель критического направления, в упомянутом выше сочинении называет их стилевое решение «псевдоклассицизмом». По его мнению, они не имеют «никакой исторической ценности» и не могут служить источником для историка⁹. Между тем в медальоне в память Бородинской битвы в аллегорических фигурах отражены потери наполеоновских войск: третья часть их состава.

Этот историк справедливо критикует труды Д.П. Бутурлина, Н.Д. Неелова, А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича и др. Они считали, что русские заняли позицию на Бородинском поле 22 августа в том виде, как это было в день генерального сражения, т.е. от Маслова до Утиц. Одним из доказательств, опровергающих ошибку названных историков, был анализ А.П. Скугаревским

диспозиции Кутузова. Этот документ историк назвал «приказом для боя», отданным 23 августа¹⁰, как это датировал А. В. Геруа. В приказе отмечено, что левый фланг составляют войска 7-го корпуса и 27-й дивизии под командованием генерал-лейтенанта князя А.И. Горчакова. Место расположения левого фланга выясилось, сообщает А.П. Скугаревский, на следующий день по объявлении этого приказа. Тогда французский авангард напал на отряд Горчакова, занимающего позицию у деревни Шевардино.

Многие из авторов, писавших в юбилейный год о битве на Бородинском поле, в частности о ее итогах, приводили оценку ее, данную Наполеоном¹¹. Он говорил, что из пятидесяти сражений, им данных, в битве под Москвой «проявлено наиболее доблести и одержаны наименьшие успехи». Запись сделана Лас Казом на о-ве Святой Елены в 1816 г., как отмечает в одной из статей В.Н. Земцов¹². Еще одна наполеоновская оценка, вызывающая протесты, категорическое несогласие, оказалась вне поля зрения названного современного историка: «французы в нем (сражении. - В.Ф.) показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми». И та, и другая характеристики содержатся в трудах Г.Г. Гурго, А.Г. Жомини, Ж.Ж. Пеле, Омари и, по мнению Скугаревского, никем не оспаривались¹³.

«Быть непобедимыми» помогла русским, как пишет А.В. Геруа, «идея (вера)». Солдаты сражались за веру, царя и Отечество. В юбилейной литературе большое внимание уделялось приказанию Кутузова перед генеральной битвой торжественно пронести перед войсками чудотворную (в некоторых солидных трудах это слово опускается) икону Смоленской Божией Матери и служить ей молебны. Небесная Заступница подавала солдатам бодрость и крепость сил, способность действовать. Все это в совокупности составляло дух войска, которым руководил Кутузов. Вера в покровительство и неземную силу Заступницы придавала необыкновенную храбрость русским воинам.

Особенно ярко описала эту торжественную процессию В. Колокольникова в очерке «Двенадцатый год. Отечественная война», выпущенном издательством И. Глазунова. Автор пишет: «Когда священник прочитал молитву о ниспослании победы русским воинам, слышались рыдания. Кутузов, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли. Сильнее всех проникся значением переживаемых минут... Платов. Он дал полную волю охватившему его святому чувству. По его худому лицу неудержимо текли слезы. Он беспрестанно мигал глубоко сидевшими подо лбом светлыми глазами, громко всхлипывал, еще громче сморкался в красный фуляровый платок, вытирал им лицо и вновь продолжал рыдать, вздрагивая всем телом. Все обратили внимание на чрезвычайное волнение Платова. Одни сочувственно смотрели на него: они понимали, какое святое чувство горит в его душе и так бурно вырывается наружу; другие с недоумением, с укором смотрели на отважного атамана, слышались обидные замечания по его поводу: "не воздержался с утра!", "раненько! в такой день можно было бы и потерпеть!"»¹⁴. Как видно, в сакральный сюжет неожиданно вкрапляются критические суждения. Еще ранее Толстой включил в описание молебна эпизод, настоенный на иронии. Он пишет: «Один плешивый генерал с Георгием на шее стоял прямо за спиной священника и, не крестясь (очевидно, немец) терпеливо дожидался конца молебна, который он считал нужным выслушать, вероятно, для возбуждения патриотизма русского народа. Другой генерал стоял в воинственной позе и потряхивал рукой перед грудью, оглядываясь вокруг себя»¹⁵.

Многие из авторов в юбилейных изданиях пространно цитировали толстовское описание молебна, в том числе генерал Е.В. Богданович. Но он исключил приведенную нами цитату, не отметив отточием этот пропуск. Более того, генерал не назвал имя Толстого, предварив цитату такую вступительную фразу: «Один из писателей, со слов очевидцев, прекрасно описал картину этого поклонения нашей святыне»¹⁶. Любопытно, что в этом издании Товарищества Р. Голике и А. Вильборг помещена репродукция иллюстрации профессора П.О. Ковалевского к роману-эпосе, в которой в духе

Толстого сочетается и торжество молебна, и момент отчуждения некоторых его участников. Толстовская ирония органично вплетается в авторский текст и относится к иностранному генералитету на русской службе. В очерке В. Колокольниковой едкие замечания (реплики) дают безымянные непосредственные участники священного действия и адресованы они легендарному атаману Войска Донского.

В оценке итогов битвы у автора очерка ощущается неопределенность. Каждая из сторон, пишет она, приписывала победу себе. Русские войска во главе с Кутузовым были уверены, что битва выиграна. Победа противника, по мнению В. Колокольниковой, была молчаливой и сумрачной. Подтверждали эту сумрачность позы, молчание и опущенные глаза наполеоновских генералов. «Пагубное уныние» повлекло за собой постепенно гибель Великой армии¹⁷.

Неопределенность оценок Бородинской битвы не преодолена и современными историками. В «Энциклопедии Отечественной войны 1812 года» они резюмируют ничейный результат сражения¹⁸. В то же время в этом издании пишут о нравственной победе и военном поражении российской армии в Бородинской битве. И все это провозглашается в рамках толстовской «глубоко оригинальной художественно-философско-исторической концепции войны 1812 года»¹⁹. Такая двойственная оценка, когда ставится глухая стена между военной и нравственной сторонами бытия, является несостоятельной. Достаточно перелистать страницы книги К. фон Клаузевица «О войне». Он пишет: «Моральные силы насквозь пропитывают всю военную стихию... действие физических сил полностью сплавляется с действием моральных. Физические явления подобны деревянной рукоятке, в то время как моральные представляют подлинный отточенный клинок, выкованный из благородного металла»²⁰.

И в заключение процитируем фрагменты из статьи П. Перцова «Великий день Бородина», опубликованной 25 августа 1912 г. в газете «Новое время», издаваемой Товариществом А.С. Суворина, отец которого сражался на Бородинском поле. Автор статьи пишет: «На другой день после битвы обе стороны спорили о том, на чьей стороне победа. Историки спорят и до сих пор... Но теперь - сто лет спустя - вопрос ясен: достаточно спросить себя, могла ли бы сейчас Франция справлять всенародным торжеством годовщину великой битвы, как ее празднует с чувством законной национальной гордости вся Россия?»

Слишком ясно, что для нашей бывшей противницы этот исторический день значит совсем не то, что для нас. С именем Наполеона остался навсегда связанным, как величайшее проявление его боевого гения Аустерлиц, юбилей которого был отмечен и теперешней Францией, - тот Аустерлиц, солнце которого хотел видеть великий император в восходящем солнце Бородина. Но он забыл, что в день Бородина он находился на много тысяч верст восточнее. Пусть же наше Бородинское солнце освещает историческую дорогу России в долготу веков!»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поликарпов Н.П. К истории Отечественной войны 1812 года. М., 1911. Вып. 3. С. 29.

² Глинка Ф.Н. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. М., 1985. С. 158.

³ Там же. С. 42.

⁴ Геруа А.В. Бородино. (По новым данным). СПб., 1912. С. 16.

⁵ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1968. Т. 3. С. 196.

⁶ Геруа А.В. Указ. соч. С. 16.

⁷ Ивченко Л.Л. Бородинское сражение: История рус. версии событий. М., 2009. С. 193.

⁸ Геруа А.В. Указ. соч. С. 65.

⁹ Скугаревский [А.П.]. Бородино: Описание сражения 26 августа 1812 года. СПб., [1912]. С. 113.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Андрианов П.М. Великая Отечественная война. (По поводу 100-летнего юбилея). СПб., 1912. С. 51; Васенко П.Г. Двенадцатый год: Очерк по истории Отечеств. войны. СПб., 1912. С. 94; [Богданович Е.В.]. 1812 год. СПб., 1912. С. 82; Горский И.Ф. Столетие Отечественной войны 1812 года. М., 1912. С. 40; Соколов Н.А. Великая эпопея: К столетию Отечеств. войны 1812 года. СПб., 1912. С. 30.

¹² *Земцов В.Н.* Наполеон на острове Святой Елены: воспоминания о рус. походе // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIX Всерос. науч. конф. Бородино, 8-10 сентября 2003 г. Можайск, 2004. С. 125-126.

¹³ *Скугаревский [А.П.]*. Указ. соч. С. 80.

¹⁴ *Колокольникова В.* Двенадцатый год: Отечеств. война: Очерк. СПб., 1912. С. 26, 28.

¹⁵ *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 205.

¹⁶ [*Богданович Е.В.*]. Указ. соч. С. 64.

¹⁷ *Колокольникова В.* Указ. соч. С. 36, 37.

¹⁸ Энциклопедия Отечественной войны 1812 года. М., 2004. С. 92.

¹⁹ Там же. С. 704, 703.

²⁰ *Клаузевиц К.* О войне. М., [1997]. С. 199, 200.